

задача представителей науки гражданского права достучаться до законодателя, чтобы быть услышанными.

Библиографические ссылки

1. Ипатов, В.Д. 20 лет НЦЗПИ: залог успеха в людях / В.Д. Ипатов // Промышленно-торговое право. – 2017. – № 11. – С. 37-40.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4.
3. Лагун, Д.А. Юридический статус временных декретов / Д.А. Лагун // Вестник БГУ. – 2010. – Серия 3. – № 3. – С. 85-89.
4. Салей, А. Недействительность государственной регистрации юридического лица (в контексте проблематики интеграционного развития в рамках ЕАЭС) / А. Салей, И. Салей // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 8. – С. 48-51.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ЛИЦО:
ФАНТАСТИКА ИЛИ БЛИЖАЙШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Стефанчук Руслан Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент
Национальной академии правовых наук Украины (г. Киев),
заслуженный деятель науки и техники Украины
r.stefanchuk@gmail.com

Сегодня человечество живет в период стремительного изменения общественных отношений, обусловленных созданием и бурным развитием информационных технологий (далее – ИТ). Если проанализировать историю, то подобный излом социальных взаимосвязей, так глубоко повлиявших на уровень и качество жизнедеятельности, можно сравнить с изобретением письменности.

В соответствие с данными Официального счетчика дней существования Интернета (howoldistheinter.net) усматривается, что состоянием на 1 января 2018 этой всемирной системе сообщающихся компьютерных сетей всего-навсего исполнилось 10 522 дней. Однако уже через 4 года с момента его появления количество пользователей составило более 50 млн. человек. Для сравнения: чтобы достичь такого уровня аудитории телевидению понадобилось 13 лет, а радио – 38 лет. На сегодня количество пользователей в сети Интернет достигает 3 880 000 000 человек. При этом больше всего их зарегистрировано в Исландии (100%), Антарктиде (100%), Королевстве Норвегия (99,6%), Княжестве Андорра (97,9%), Королевстве Дания (96,9%), Соединенном Королевстве Великобритании (94,8%) и Северной Ирландии (93,3%), Нидерландах (94,8%), Государстве Катар (94,3%), Японии (94%), Королевстве Швеция (92,9%), Южной Корее (92,7%), Финляндии (92,5%), Эстонской Республике (91,6%), Объединенных

Арабских Эмиратах (90,6%), Канаде (90,1%), Федеративной Республике Германия (89,6%), Швейцарской Конфедерации (89,4%), Австралии (88,2%), Соединенных Штатах Америки (87,9%), Французской Республике (86,8%) и др. Что касается Украины, то согласно последним статистическим данным количество людей, систематически использующих Интернет, составляет 66%, к тому же распределение пользователей по возрастным группам довольно равномерное. Ежедневно через Интернет направляется 269 млрд. писем, 70-80% из которых «спам». Ожидается, что к 2020 г. около 40 млрд. гаджетов будет подключено к Интернету. Популярность всемирной системы общающихся компьютерных сетей имеет и недостатки. Так, каждый пользователь, не связанный со сферой Интернета, ежедневно проводит в сети около пяти часов, что, безусловно, способствует формированию у него связанных с этим последствий, а именно: искривление социальной действительности, формирование определенных аддикций (устойчивых зависимостей) и др. В Китае, например, даже открыли лечебные лагеря для Интернет-наркоманов (людей, имеющих зависимость от Интернета).

В Украине, как и в иных странах постсоциалистического пространства, состояние нормативно-правового обеспечения сферы ИТ имеет начальный уровень, который предоставляет возможность только догонять развитые правовые порядки, а не быть в роле лидера. Фактически сегодня нет даже намеков на формирование единого, концептуально нового, системного, всеобъемлющего правового механизма, с помощью которого можно было бы комплексно обеспечить динамику общественных отношений, вызванную бурным развитием сферы ИТ. Ни ученые-юристы, ни законодатели не готовы к формированию правовой политики в этой сфере: определению границ и условий комплексного нормативно-правового регулирования применения современных инновационных подходов, методологий и технологий, в том числе Blockchain, Интернета вещей, облачной инфраструктуры, Mobile ID, sharing economy; продвижению методики обработки данных больших объемов (Big Data); определению правовой природы криптовалюты, процесса майнинга, смарт-контрактов, токенов, ICO.

В то же время, всепроникаемость ИТ свидетельствует о необратимом процессе цифровизации жизни человека, которая происходит по схеме: цифровизация человека – цифровизация общественных отношений – цифровизация мира.

Цифровизация человека (как и других, производных участников правоотношений) связана с определением его цифровой индивидуализации и цифрового статуса.

Цифровая индивидуализация – это признание за человеком конкретного, присущего только ему цифрового отпечатка (скрина), фактически является совокупностью основных признаков его индивидуализации как участника цифровых отношений. При этом под цифровую индивидуализацию подпадают и индивидуализирующие признаки, присущие человеку как участнику ординарных правоотношений (имя, его заменители, их изменение, дата рождения, место рождения, фиксация актов гражданского состояния, уровней право- и дееспособности, ограничений по ним, семейного положения, наличие детей, иных родственников, родственных связей, смерти и т.д.), и индивидуализирующие признаки, обусловленные его непосредственным участием в цифровых отношениях (электронная почта, адрес сайта, доменное имя, IP- адрес, электронная подпись, ID- паспорт, Bank ID, кредитная карточка, аккаунт в социальных сетях, сканирование отпечатка пальца, сканирование сетчатки глаза, Face ID, веб-кошелек). Причем отдельные способы цифровой индивидуализации сегодня уже активно используются, а по информации о такой индивидуализации осуществляется формирование соответствующих реестров или других баз персональных данных.

Однако при такой тотальной цифровой индивидуализации необходимо помнить о ряде угроз, прежде всего приватности человека, о чем сейчас активно дискутируют на страницах зарубежной научной периодики. В частности, В. Гессер (Urs Gesser) отмечает, что переосмысление связи между технологиями и правом приватности в цифровую эпоху следует рассматривать как ключевой компонент сверхусилий, направленных на преодоление существующего кризиса цифровой конфиденциальности более целостно [1, р. 69]. Поэтому такие процессы необходимо осуществлять с максимальной осторожностью.

Цифровой статус человека – это совокупность его специальных цифровых модусов как участника цифровых правоотношений, которыми определяется объем и содержание имеющихся у человека цифровых прав, законных интересов и обязанностей, особенности их осуществления или выполнения, защиты и охраны. Обычно фиксация цифрового статуса человека может происходить в ряде электронных реестров прав (их ограничений, обременений или иных особенностей осуществления), сделок, иных юридических фактов.

Одним из фундаментальных прав в системе цифрового статуса человека является право на доступ к Интернету (Right to Internet ac-

cess / Right to Broadband). Определенным образом указанное фундаментальное право закреплено в законодательстве или иным способом гарантировано в Эстонской Республике (2000), Греческой Республике (2008), Французской Республике (2009), Финляндской Республике (2010), Королевстве Испания (2011), Мексиканских Соединенных Штатах (2013) и других странах. В 2010 г. Верховный суд Республики Коста-Рика признал право на доступ к Интернету неотъемлемым правом человека [2]. В мае 2011 г. Специальный докладчик ООН Франк Ла Рю (Frank La Rue) представил Совету ООН доклад [3], основной лейтмотив которого – необходимость того, чтобы страны признали право на доступ в Интернет и обеспечили ему защищенный доступ для всех. В Украине решение этого вопроса осталось на уровне законопроектов. Дальнейшие попытки закрепить право человека на доступ к широкосетевому Интернету носят несистемный и выборочный характер.

Освещая вопрос цифрового статуса человека, внимание нужно уделить дискуссии о правовом статусе (режиме) роботов и искусственного интеллекта в целом. Возникает ряд юридических вопросов о:

признании роботов субъектами правоотношений и, соответственно, наделении их правосубъектностью (например, показательным является факт предоставления в конце 2017 человекоподобному роботу Софии (Sophia), разработанном гонконгской компанией «Hanson Robotics», подданства Королевства Саудовская Аравия) [4];

признании за роботами авторских прав (например, в 2016 книга «День, когда компьютер напишет роман», созданная искусственным интеллектом, вошла в финал японской литературной премии имени Хоси Синъити);

возмещении вреда, причиненного роботами (например, вреда, причиненного вследствие ошибки операции, проводимой роботом, или ДТП, вызванного автономным автомобилем).

Приведенное – лишь ориентирующий перечень правовых вопросов, которые могут возникнуть в связи с признанием правового статуса электронного лица. В то же время решение этого вопроса для Украины, как и других стран постсоветского пространства, уже является неотложным. Одну из первых комплексных попыток урегулировать вопрос искусственного интеллекта уже предпринял Европейский Союз, приняв согласованный текст резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» (2015/2013 (INL)) от 16 февраля 2017 г. [5]. Основными вопросами, затронутыми в указанной Резолюции, вопрос этических норм по робототехнике и искусст-

венному интеллекту, предоставление прав роботам и искусственному интеллекту, создание Европейского агентства по робототехнике и искусственному интеллекту, решение вопроса об ответственности за причиненный роботом и искусственным интеллектом вреда и тому подобное.

Создание электронного лица, как и определение его четкого правового статуса – проблема фундаментальная и направленная на обеспечение его полного и эффективного участия в правоотношениях статистики и динамики. По сути, это юридическая предпосылка участия человека в электронных (цифровых) правоотношениях.

Библиографические ссылки

1. Urs Gasser. Recoding Privacy Law: Reflections on the Future Relationship Among Law, Technology, and Privacy // Harvard Law Review Forum. Vol. 130. Dec. 2016. Num. 2. P. 61-70. P. – 69.

2. Judgement 12790 of the Supreme Court, File 09-013141-0007-CO, 30 July 2010. (English translation)

3. Conclusions and recommendations, Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue, Human Rights Council, Seventeenth session Agenda item 3, United Nations General Assembly, 16 May 2011.

4. Weller Chris. A robot that once said it would 'destroy humans' just became the first robot citizen // [Электронный ресурс] <http://www.businessinsider.com/sophia-robot-citizenship-in-saudi-arabia-the-first-of-its-kind-2017-10>

5. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс] <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN>

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТОВАРЕ КАК ОБЪЕКТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Тишкова Надежда Владимировна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
n_astapenko@mail.ru

На протяжении всей истории человечество проходит различные этапы развития – изменение общественного строя, возникновение государств, возникновения правовых систем и т. д. В соответствии с этими изменениями возникают гражданские правоотношения, которые также развиваются, изменяются и преобразуются.

Изменения в общественных правоотношениях, которые происходят в конкретный этап развития общества, можно определить как эволюцию гражданских правоотношений.